

Американский писатель-фантаст Рэй Брэдбери, автор хорошо известных советскому читателю книг («Марсианские хроники», «451° по Фаренгейту», «Вино из одуванчиков» и др.), дал недавно обширное интервью корреспонденту парижского еженедельника «Экспресс». В этой беседе нашли свое отражение взгляды Брэдбери на многие проблемы современной фантастики. Ниже мы публикуем интервью с некоторыми сокращениями.

— Вы известны как автор научно-фантастических произведений. Удовлетворены ли вы званием писателя-фантаста?

Рэй БРЭДБЕРИ. Я прежде всего — маг. Маг, который умеет создавать самые разные вещи на основе технологии и физики. Физик — тоже маг, но в ином качестве, поскольку он, применяя законы науки, добивается невероятных конкретных результатов. Когда я слеую этим законам, я — в рамках научной фантастики; когда пренебрегаю ими, я — просто писатель-фантаст.

Идеи вдохновляют меня. В истории человечества все начинается с мечты. Мечта преобразуется в рисунок, кривую, диаграмму. Когда люди начинают анализировать их, рождается наука. Научная фантастика — это смешение науки и мечты. Когда наука реализуется в чем-то, происходит научное событие.

— Другими словами, когда научная фантастика становится реальностью, когда ее мечта «осуществляется», она исчезает?

Рэй БРЭДБЕРИ. Именно так! Пещерные люди, которых ужасали мамонты, стали мечтать об огне как средстве прогнать их. Затем они попытались изобрести огонь. Это им удалось. И огонь стал научным событием. Затем люди стали мечтать о том, чтобы мамонты служили им пищей. Они рисовали их, раскрашивали рисунки, представляя себе, что убивают этих животных. И эта научно-фантастическая мечта — охота и сохранение мяса — в конце концов стала реальностью, а следовательно, и научным событием. Научная фантастика — это не что иное, как история рождения и движения идей. Идей, которые, на первый взгляд, кажутся безумными. Писатели научной фантастики выражают эти идеи, иногда не отдавая себе отчета в их значимости. Я же стараюсь все это объяснить, чтобы люди поняли и разделили мое мнение, мой энтузиазм перед спонтанной вспышкой мысли. Такие писатели, как Жюль Верн, Г. Уэллс и Эдгар Райс Бэрроуз, сделали чрезвычайно много для изменения хода истории человечества.

— Потому что они заставляли мечтать?

Рэй БРЭДБЕРИ. Писатели чисто интеллектуального плана лишены ощущения чудесного. Они не могут дать детям пищу, необходимую им в процессе роста, не могут заставить 10—12-летнего ребенка сгорать от нетерпения в ожидании того, кем он станет. Это именно тот возраст, когда нельзя терять ни минуты, чтобы стать капитаном Немо и изменить мир. Когда адмирал Бэрд в 1926 году впервые перелетел через Северный полюс, он сказал: «Меня увлек сюда Жюль Верн». Его устами говорил ребенок. В Соединенных Штатах мы раскрываем и двери, и души перед дядюш-

кой Жюль Верн, мы узнаем себя в нем, потому что он так же страстно, так же безумно увлечен машинами, тем, что они могут сделать для нас и с нами. И если он предостерегает нас против пагубного использования техники, то, с другой стороны, он одаряет нас радостью и восторгом, когда мы используем технику созна-

ны, но не до такой степени. Мы обречены терпеть, выносить себя. Для повседневной жизни нет ничего более трудного. Точно так же, как в жизни супружеской пары, в дружбе. Всегда наступает момент, когда невозможно устоять перед желанием подвергнуть любовь, дружбу испытанию. Нужно, чтобы один из партнеров сумел восстановить мир: «Хватит. Нужно остановиться, или мы все разрушим».

— Однако вы производите впечатление человека, настолько относящегося к технологии. Говорят, что вы противник телевидения, автомобиля, самолета...

Рэй БРЭДБЕРИ. Это слегка преувеличено. У нас дома телевизор — с 1954 года. До

звучающая восторг. Именно эта сложная структура жизни делает ее столь интересной. Например, в рассказе «Саванна», где речь идет о детях, использующих полностью механизированную комнату для того, чтобы уничтожить родителей, осуждается не технология и ее использование, а человеческая природа. Что представляют собой дети, которые в какой-то момент, после того, как родители запретили им что-то, в чем-то отказали или наказали их, думают затаенно: «Ах! Чтоб они пропали!» Большинство людей никогда не переступает грани и довольствуется пережитыми в мозгу фантазиями.

— Может ли научная фантастика помочь нам «вступить» в будущее?

Рэй БРЭДБЕРИ. Нет, она должна помочь нам жить в настоящем. Потому что будущее — в настоящем. В каждый настоящий момент мы создаем будущее. И в каждую секунду жизни нам дана возможность творить его. Я вспоминаю, что сказал тридцать пять лет назад восточный философ Кришнамурти: его слова можно назвать золотым правилом мгновения: «В тот самый момент, когда ты собираешься сделать зло, сделай добро. Не завтра. Не послезавтра. А именно сейчас. Это мгновение принадлежит тебе. Хватайся за него, как за золотую нить». Это великодушный принцип, который очень во многом помог мне. Жизнь — это вовсе не череда кризисов, как это бывает у большинства людей. Кажется, что у них нет никакой позиции, кроме отрицательной, никакого ответа, кроме отрицательного. И это ужасно грустно...

— Не является ли научная фантастика формой поэзии?

Рэй БРЭДБЕРИ. Научную фантастику к поэзии приближает метафора, которая является лучшим средством выражения идеи. В поэзии на одной странице значительно больше мыслей, чем в большинстве романов. Каждое стихотворение — это мысль. И какой бы незначительной она ни казалась, тем не менее ее можно положить в основу новеллы. Я не устаю погружаться в мир поэзии в поисках какого-то одного стихотворения. Одна только замечательная строка Джерарда Менли Хопкинса вдохновила меня на целую поэму: «То, что я делаю, — это я, вот почему я здесь».

Поэзия — это возможность жить. Не хлебом единым жив человек. Нам нужно что-то положить на этот хлеб. Духовная пища — рядом с нами, доступна нам в изобилии. Почему же не добавить ее к нашему хлебу и не устроить пиршество?

— Таково ваше учение?

Рэй БРЭДБЕРИ. В некотором роде да. Обращаясь к студентам Калифорнийского технологического института, я говорю: «Вы нуждаетесь во мне». Это чрезвычайно удивляет их. «Будущее существования человечества зависит от вас. На вас лежит огромная ответственность. Вы так много работаете, что даже не задумываетесь над тем, почему вы все это делаете. Но я вам скажу почему, я прочту вам стихотворение, которое объясняет обществу, кто вы такие, что вы делаете. Вас ракет, грузов, который они могут транспортировать, их траекторию вы знаете наизусть. Но хватит криков и подсчетов! Зачем нужно покорять космос? Для чего? Вы не можете ответить на этот вопрос. А я отвечу: космос — это попытка человека стать причастным вселенной. Наша жизнь и будущее человечества зависят от этого».

— Были ли вы свидетелем космических экспериментов?

Рэй БРЭДБЕРИ. Два года назад я впервые приехал на мыс Канаверал. Я поднялся на самый верх пусковой установки, все осмотрел. И до конца

дня плакал от радости. Я был там, в мире, который ощущаю своим, в котором я родился и который — невероятный парадокс — не существовал в момент моего рождения... И я отчаянно искал метафору, которая могла бы передать мои чувства.

В поездке неожиданно я нашел ее: это было нечто необъяснимое, как будто я проник в голову Уильяма Шекспира и совершил путешествие по его мозгу! Не спрашивайте себя больше с ужасом: «Быть или не быть?», ответ — перед вами. Не спрашивайте себя больше, глядя на ракету: «Зачем все это? Когда же это кончится?» Да, конец наступит, Земля не вечна. Прах или звезды. Выберите. Я выбираю звезды». И тр-р-р-ах! Начинается запуск. Чтобы запустить ракету, нужна частичка поэзии. И души всех детей — девочек и мальчиков — устремляются за ней. Каждый раз, когда я читаю эти стихи в колледжах, молодежь устраивает мне овации. Все дети, все живое — на моей стороне!

— «Жизнь — это лучший реванш» — таково название одной из ваших новелл...

Рэй БРЭДБЕРИ. Жить, писать, любить. Все рождается из любви. Все приходит к вам благодаря любви и восторгу. Я иногда спрашиваю учащихся колледжей, которым читаю лекции: «Хотели бы вы никогда в жизни не работать?» — «Конечно, но как?» — «Очень просто: влюбитесь в то, что вы будете делать». Я пишу, я учусь писать с самого детства. Я пишу каждое утро. Не потому, что так нужно, но потому, что я этого хочу. Любовь — это горячее жилище. У меня нет никакой программы. Я делаю то, что мне нравится. Перескакиваю от одного к другому, три дня делаю одно, два — другое. В данный момент я работаю над либретто научно-фантастической оперы, которая будет поставлена в Париже в будущем году. Музыку пишет французский композитор Мишель Коломбье. Я читаю также множество лекций для разных обществ, на предприятиях. Фирма ИБМ, например, попросила меня объяснить служащим, какую роль они могут играть при ЭВМ. У меня нет ответов на все вопросы, но атому роду деятельности я придаю большое значение.

— Какими источниками питаете вы вашу неуемную фантазию?

Рэй БРЭДБЕРИ. Я интересуюсь всеми областями знания. Я изучал разные вещи, иногда довольно поверхностно, но спектр моих поисков широк, а некоторые области я знаю особенно хорошо: психологию, философию, поэзию, литературу. Постоянно читаю и перечитываю Бернарда Шоу, прочел всего Мольера. Среди романистов на меня особенно сильно повлияли Сомерсет Моэм, Киплинг, Стейнбек. С детства люблю детективы. Очень интересуюсь искусством Ренессанса, греческой и латинской цивилизациями, особенно Пирамиды, страстный поклонник кино. Таким образом у меня очень широкие культурные интересы. И когда вы эту культуру насыщаете метафорами, а эти метафоры создают любовь, рождается творчество! Мысли, которые мы черпаем из столь разных дисциплин, скапливаются и дают вспышку в мозгу, подобную ядерной реакции. В одну секунду из слова рождается муха! Или наоборот.

— Не считаете ли вы, что в научной фантастике единственным чудическим в конце концов оказывается человек?

Рэй БРЭДБЕРИ. Формулировка слишком негативна. Я бы сказал, человек — единственное получудовище. Будем надеяться, что, наполювину чудовище, наполювину человек, он в конце концов станет полностью человеком.

Перевела В. ЖУКОВА

Рисунок американского художника Хэннеза БОКА

тельно. Жюль Верн, несомненно, — один из величайших моралистов нашего времени.

— Все — в этом, в полезном использовании техники. Не угрожает ли миру чрезмерное развитие технологии?

Рэй БРЭДБЕРИ. Человечество само себе угрожает. Технология — это мы, наши мечты и то, что мы из них делаем. И если наши мечты чисты, то и технология будет полезной. Г. Уэллс был убежден, что изобретение атомной бомбы приведет к гибели человечества. Она появилась и, как всепроникающий голос, говорит нам: «А теперь сядьте, сделайте подсчеты и найдите способ согласиться друг с другом, любить друг друга». И мы слышим этот голос.

— Но прислушиваемся ли мы к нему?

Рэй БРЭДБЕРИ. У меня нет никаких иллюзий: мы не стали ангелами. Нам нравится себя разрушать. Это проще и снимает проблемы. Но в то же время мы — клубок противоречий. Новый мировой конфликт невозможен. Мы безум-

ного времени мы не могли оплачивать его. Когда мы — я, моя жена и две старшие дочери — оказались дома на карантине из-за свинки и перечитали все книги из нашей библиотеки, я взял телевизор напрокат. Мы посмотрели фильм о Шерлоке Холмсе на маленьком экране и... оставили у себя телевизор! Я испытываю страх перед автомобилем, к тому же из меня вышел бы плохой водитель. Лучше уж избавиться шоссе еще от одного убийцы. Что же касается самолета, то мне просто-напросто не очень нравится такая высота. В 1954 году я три дня не мог решиться подняться на Эйфелеву башню, несмотря на насмешки моих дочерей. Я находился там не более двух минут.

— Но в ваших книгах?

Рэй БРЭДБЕРИ. По рассказам может сложиться впечатление, что я — враг технологии, но это не так. Я пишу некоторые рассказы, чтобы вызвать страх, другие — чтобы вызвать восхищение. Такова сама жизнь, в одних случаях пугающая нас, в других — вы-